

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ СССР–РОССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

УДК 330

НЕПРОШЕННЫЙ СОВЕТНИК

Г.И. Ханин

Новосибирский государственный
технический университет

Khaning@academ.org

Предлагая журналу перевод статьи, написанной 16 лет назад^{1*}, я руководствовался следующими соображениями.

Во-первых, возбудить интерес российской общественности к проблеме искажений в нынешней макроэкономической статистике России. Они так же велики, как и в позднем СССР, и так же способны привести к кризису экономики. Как это ни грустно, мои коллеги и я снова (и даже в большей степени) оказываются единственными, кто рассчитывает альтернативные макроэкономические оценки.

Во-вторых, дать для историков и молодого поколения более объемное представление о жизни в позднем СССР со всеми его минусами и плюсами, к которым я отношу больший интерес к судьбе своей страны и наличие значительного количества ярких и смелых людей.

Мои взгляды на некоторые вопросы с тех пор претерпели изменения, но я не стал что-либо менять в статье.

---

¹ Перевод статьи из сборника воспоминаний советских официальных лиц и ученых о последних годах советской экономики, вышедшем в 1998 году в Англии. The destrucion of The Soviet economic system. An insider History Edited by Michael Ellman and Vladimir Kontorovich Armonk. – New York, London, England, 1998. Перевод автора. Имеется согласие авторов сборника и издательства M.E. Sharpe на публикацию перевода.

1. Пересчет советских темпов роста.

В 1972 году я защитил кандидатскую диссертацию по фондовым биржам капиталистических стран. В то время я был единственным научным работником в этой области в СССР, и не потребовалось бы много времени для защиты докторской диссертации на эту тему. Однако я был погружен в проблемы советской экономики и судьбы советского общества. Любая публикация или диссертация на эту тему была немыслима, по крайней мере, в обозримом будущем. Даже менее опасные исследования преследовались в это время. Я не исключал и прямые преследования властей. Но моя молодость, научное любопытство и гражданская ответственность возобладали.

Я начал оценивать реальные темпы роста советской экономики, начиная с 1955 года. Мой непосредственный начальник в Научно-исследовательском институте систем управления Министерства приборостроения СССР В. Образ и директор института Ф. Солодовников поддерживали эти мои исследования.

В течение года я получил существенные результаты, которые выявили непрерывное падение темпов роста советской экономики с конца 1950-х годов. Согласно моим расчетам и вопреки широко распространено-

му мнению советских и западных ученых, 8-й пятилетний план (1966–1970) не был исключением в этом замедлении. Исходя из исчерпания экстенсивных факторов роста, я пришел к выводу, что замедление должно привести к стагнации в середине 80-х годов. Читая в спецхранах библиотек западную литературу, я знал, что американские экономисты давали более оптимистическую оценку. Я анализировал причины наших расхождений в оценках и был уверен, что мой подход является правильным². Это объяснялось не только тем, что мои оценки были получены другими методами, но и осознанием всеобщего кризиса советского общества в этот период.

Мои исследования указывали на приближающийся экономический и общественный кризис. Я полагал, что чем скорее кризис будет признан, тем скорее советские лидеры осуществят экономические реформы. У меня не было сомнений в том, что они должны быть рыночными³. Как и ряд других советских экономистов, я был горячим сторонником рыночной экономики и думал, что переход к регулируемой рыночной экономике не только подтолкнет экономическое развитие, но также будет способствовать демократизации советского общества.

Первая возможность обнародовать полученные мною результаты представилась в 1973 году⁴ на проводившейся ежегодно лет-

² Эти результаты были впоследствии опубликованы в: Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991. Англоязычный обзор в: Harrison Mark. Soviet economic growth since 1928: alternative statistics of G.I. Khanin Europe –Asia Studies. Vol. 45. – 1993. – № 1.

³ В начале 1980-х годов после тщательного изучения советской истории наиболее вероятным я считал возврат к модификации сталинской экономики.

⁴ По моей невнимательности в американском издании была допущена ошибка. Эта конферен-

ней конференции ЦЭМИ (Звенигород)⁵. Мой друг Виктор Волконский, уважаемый сотрудник института, с одобрения руководства института пригласил меня на эту конференцию. Я обратился к председателю (кажется, Петракову) и попросил разрешения выступить на конференции по обсуждавшемуся там вопросу. Он согласился.

Скрытый рост цен, преувеличение роста производства и другие негативные тенденции не были секретом для участников конференции. Как я позже узнал, аналогичные расчеты производились в ЦЭМИ С. Шаталиным и Б. Михалевским в середине 1960-х годов⁶.

Альтернативные оценки промышленной продукции в целом и в отдельных ее отраслях рассчитывались в других исследовательских институтах. Вероятно, наибольшее воздействие на аудиторию оказали масштаб моих расчетов и разнообразие оценок, некоторые из которых никем ранее не использовались (в этот период я использовал три метода для оценки динамики промышленной продукции и два метода для оценки динамики национального дохода). Произвел впечатление и тот факт, что вся работа была произведена одним человеком. Мои результаты оказались также более пессимистичными, чем у других исследователей. Убедительно был обоснован вывод о прекращении экономического роста. После выступления на меня обрушился вал критики происходившего летом 1996 года. Примечание к русскому изданию.

⁵ Некоторые события могли выпасть из моей памяти. Я не сохранил какой-либо документ об этих событиях, поскольку тогда не считал их важными. Поэтому мой отчет о них нельзя считать абсолютно точным.

⁶ См.: M. Ellman and V. Kontorovich. The collapse of the Soviet Union and Memoir Literature Europe-Asia Studies. – Vol. 49. – № 2, March 1997.

вопросов относительно использовавшейся методологии и полученных результатов. На моем выступлении присутствовали около 40 человек из ЦЭМИ и других московских экономических институтов. Но учитывая связи среди экономистов, мой доклад вскоре стал широко известен среди московских экономистов.

Следующее за конференцией событие характеризует политический климат в стране в это время. Когда я дал детальный отчет о моем выступлении моему другу В. Шляпентоху, он серьезно спросил меня, не заметил ли я за собой слежки. Более чем через 10 лет после нашего разговора журнал «Огонек» опубликовал рассказ об украинском экономисте, который занимался подобной же работой, что и я, и был осужден на семь лет заключения после того, как в его квартире были найдены его расчеты⁷.

В течение последующих трех лет я изобрел несколько новых методов для оценки реального роста промышленной продукции, национального дохода, основных фондов и материалоемкости продукции. Я считаю две последние оценки своими самыми крупными достижениями. Они не исчислялись ни на Западе, ни в СССР либо исчислялись крайне ошибочно. Я написал 250-страничный текст, содержащий исходные данные и детальные результаты моих расчетов. Мои друзья, коллеги и начальники, читавшие этот текст или слушавшие мои выступления, реагировали положительно.

Попытки проинформировать руководителей государства

Тем временем советская экономика продолжала деградировать. Я решил, что пришло время для того, чтобы моя работа

оказала влияние на движение страны в более конструктивном направлении. Я тщательно следил за советской прессой и понял (время это подтвердило), что имеются реформистские силы внутри или поблизости от руководства страны. Работы Ф. Бурлацкого, Г. Шахназарова и В. Загладина, академиков Г. Арбатова и Н. Иноземцева, публицистов А. Бовина и Э. Генри отличались по манере и содержанию от тупого догматизма, преобладавшего в советской научной литературе. Очевидно, эти люди имели поддержку влиятельных политиков. Я не знал, кто они, но, как показало время, переоценивал их способность к политическим действиям.

Я решил привлечь внимание советского руководства к результатам моих исследований, надеясь, что они помогут сформулировать новый экономический и политический курс. Я также искал способ легализации моих исследований. У меня была мысль о самиздате, но я не хотел рисковать своей свободой, вступая в прямую конфронтацию с властью.

Письма, которые я посылал в адрес руководителей государства, содержали 2-3-страничное описание результатов моих исследований. Более детальные расчеты я предлагал представить при наличии просьбы. Письма заканчивались выводом о надвигающейся экономической стагнации и необходимости для ее предотвращения проведения экономических реформ. Эти реформы должны были значительно расширить самостоятельность предприятий и рыночные отношения.

Я отнес письмо на имя Л.И. Брежнева к хорошо известному угловому зданию, где принимались письма, адресованные ЦК КПСС. Мне сообщили, что мое письмо получено и отправлено в соответствующую

⁷ Мы не нашли независимого подтверждения этой информации (редакторы).

ский отдел ЦК КПСС. На этом закончилась наша переписка⁸. Письмо, адресованное Н. Байбакову, попало в руки Председателя сводного отдела Госплана СССР В. Воробьева. Он принял меня и был весьма вежлив, но напряжен во время нашего разговора, возможно опасаясь последствий нашего разговора. Много позже я узнал, что примерно в то же время Воробьев представил доклад о состоянии советской экономики с аналогичными моим идеями об инфляции, реальном экономическом росте и надвигающихся опасностях⁹.

Я начал искать менее прямой и публичный путь для передачи моего послания руководству страны. Мог быть кто-то в руководстве, кто скрывает свои взгляды и нуждается в моих исследованиях для начала политической борьбы. Изучая биографии членов Политбюро в поисках скрытого ревизиониста, я нашел их посредственностями. Единственным из них, кто, казалось, выделялся, был А. Шелепин (конечно, я сильно ошибался в отношении его политических взглядов). В это время Горбачев еще не был ни членом Политбюро, ни секретарем ЦК.

Я составил список самых талантливых советских ученых и публицистов, кто мог быть связан с ревизионистами в советском руководстве. Это был короткий список, потому что мало людей в стране обладали этими редкими качествами. Я также изменил форму презентации, написав 20-страничную записку с детальным описанием моей методологии, результатов и прогнозом на 1990 год. В ней предсказывалось полное прекращение экономического роста в середине 1980-х годов. Пожилая

⁸ Я не помню, писал ли я А. Косыгину.

⁹ Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. – М., 1993. – С. 129–132; М. Ellman and V. Kontorovich (редакция).

московская машинистка, которая печатала эту записку, рассказала с гордостью, что ей в жизни приходилось много печатать важных и секретных документов. Вручая мне отпечатанную записку, она сказала с симпатией: «Это бомба».

Первый человек, который с ней ознакомился, был Александр Бовин, автор блестящих антидогматических статей в газете «Известия», который долго работал сотрудником ЦК КПСС. Мы встретились в его кабинете в «Известия». Он сказал, что он не экономист и ему трудно оценить мою методологию, но думает, что в целом я прав. Но он не выразил желание идти дальше этого. Бовин выразил свою горечь от того, что происходит в стране, и в достаточно определенных выражениях сказал: «Когда он умрет, мы начнем сначала». Это подтвердило мое предположение о наличии оппозиции в Партии, но я был потрясен ее беспомощностью. Предположим, что он еще 10 лет не умрет, должна ли страна и дальше катиться вниз?

Моим вторым потенциальным посредником был Эрнст Генри, чьи книги «Гитлер против Европы» и «Гитлер против СССР» произвели на меня огромное впечатление в юности¹⁰. Его статьи о Китае и международных отношениях были несравненно более оригинальными и блестящими, чем что-либо другое в советской политической литературе. Его статьи о Мао Цзэ Дуне целились не только в него, но и в Сталина, который в это время оценивался по-

¹⁰ Эрнст Генри – псевдоним. Он сказал мне, что его настоящее имя С. Ростовский. Недавно стало известно, что и это был его псевдоним. В последние несколько лет в российской и западной прессе сообщалось о связях Э. Генри с НКВД и его роли в советском шпионаже в Англии перед войной. Вероятно, в этих утверждениях немало правды.

зигитивно. В наших разговорах и публикациях Генри показал себя твердым противником всех форм тоталитаризма. У него было низкое мнение о брежневском режиме и он предвидел его неминуемый крах. Я никогда не видел у него враждебности к Западу. Напротив, он многие аспекты жизни в Англии оценивал выше, чем в СССР.

Э. Генри прочитал мою записку и передал его своему другу времен Коминтерна С. Далину, одному из крупнейших советских экономистов. (Он неохотно упомянул эту фамилию в нашем последнем разговоре, опасаясь последствий для него от вовлечения в данное дело.) Положительное отношение Далина в большой степени определило и уважение Генри ко мне. Когда я сказал Генри о надвигающейся стагнации, он добавил «а потом и спад». Эта мысль приходила мне в голову, поскольку мои расчеты выявляли эту тенденцию, но в то время она казалось столь невероятной, что я не рискнул о ней писать. Под влиянием нашего разговора я рассмотрел эту возможность и вскоре включил ее в свой прогноз.

Генри хвалил Андропова, который, как он сказал, читал Гегеля. Он также хвалил В. Загладина и Г. Шахназарова, известных функционеров ЦК, занимавшихся международным коммунистическим движением и разделявших его взгляды. Наши встречи продолжались в течение двух лет. После этого он стал избегать их, вероятно из-за моей репутации полудиссидента. Однажды он пообещал передать мою записку В. Загладину (в то время первый заместитель начальника Международного отдела ЦК КПСС), но впоследствии уклонился от этого намерения.

Третьим потенциальным посредником оказался Василий Селюнин, популярный

журналист органа ЦК КПСС «Социалистическая индустрия». Вскоре после нашего знакомства я понял, что у него нет никаких связей «наверху». Тем не менее у нас возникла дружба, которая продолжалась до его смерти. Наша совместная статья «Лукавая цифра» в журнале «Новый мир» в большой степени открыла эпоху гласности.

Я доверял также двум близким к правящим кругам академическим институтам – Институту США и Канады и Институту мировой экономики и международных отношений. В конце 1970-х годов я послал письмо с кратким изложением полученных мною результатов академику Г. Арбатову. Дружеское письмо, подписанное В. Кудровым, содержало предложение представить статью для публикации в трудах института, предназначенных для внутреннего пользования. Но когда я ее написал и послал Кудрову, я не получил никакого ответа.

В это же время я имел беседу в том же отделе Института мировой экономики и международных отношений, где обсуждалась моя диссертация. Его возглавлял С. Никитин, специалист по экономическим индексам и очень достойный человек. Никитин позже рассказал мне, что в конце 1950-х годов по просьбе академика Е. Варги он оценивал реальные темпы роста советской экономики. Проект был прекращен из-за враждебного отношения ЦК КПСС. И он и Варга имели неприятности из-за проделанной работы.

На моем выступлении присутствовали около 30 человек. Я представил детальное изложение своих методов и прогноз, что в середине 1980-х годов начнется спад ВВП. Никитин разделял мое мнение о мрачных перспективах советской экономики. Было ощущение мрачного будущего и невозможности изменить его.

Борьба за публикацию результатов

Я решил вычленил более допустимые части моей работы (методологию, иллюстрируемую примерами из отдельных отраслей экономики) и представить их в качестве докторской диссертации. Первым шагом к защите была публикация ее результатов. В. Волконский представил мою статью для публикации в журнал «Известия Академии наук. Серия экономическая» и убедил своего друга и главного редактора журнала А. Анчишкина попробовать ее опубликовать. Я благодарен А. Анчишкину за его усилия по ее публикации, несмотря на имеющийся для него риск. В то время Анчишкин был одним из самых влиятельных советских экономистов и его поддержка была важна.

Важнейшим элементом для прохождения первой публикации¹¹ был выбор заголовка и манеры изложения. Я исключил абсолютные цифры. Были приведены только соотношения для изложения разницы в результатах, полученных использованными мною методами. Основное внимание в статье было уделено объяснению методологии расчетов и качественным выводам, вытекающим из скрытых альтернативных оценок. Любой квалифицированный экономист мог легко рассчитать абсолютные величины, опираясь на описанную методологию и приведенные соотношения. Однако, сколько мне известно, никто в СССР не попытался это сделать. Статья прошла почти не замеченной, поскольку журнал имел небольшой тираж.

Благодаря Алеку Ноуву, который извлек всю возможную информацию из моей

¹¹ Ханин Г.И. Альтернативная оценка результатов хозяйственной деятельности производственных ячеек промышленности // Известия Академии наук СССР. Серия экономическая. – 1981. – № 6.

статьи, она стала известной на Западе уже в 1983 году¹². Другая статья появилась в этом же журнале и была написана тем же способом¹³.

Мои попытки защитить докторскую диссертацию начались с ЦЭМИ. Хотя он возглавлялся такими либерально мыслящими экономистами, как Н. Федоренко и Н. Петраков, институт не был готов пойти на такое рискованное предприятие. Институт Госплана СССР, возглавлявшийся более консервативными экономистами, изучал диссертацию несколько месяцев. Защита диссертации в Институте экономики Сибирского отделения АН СССР, возглавляемого А. Аганбегяном, исключалась. Именно Аганбегян добился моего изгнания из Новосибирского университета в начале 1970-х годов, а через несколько лет потребовал расследования моих «сомнительных» высказываний относительно использования мировых цен для оценки деятельности производственных предприятий¹⁴.

Поскольку диссертация требовала внешнего рецензента, я решил выступить в Институте системных исследований АН СССР и ГКНТ. Заместитель директора института С. Шаталин, имевший репутацию либерала, принял предложение о моем выступлении и назначил его на весну 1986 года. К этому времени я уточнил свои методы оценки роста основных фондов. Новый метод показал более резкое падение темпов роста основных фондов. Это вместе с другими факторами означало и большее бу-

¹² Nove A. Has Soviet growth Ceased? Paper presented to the Manchester Statistical Society, 15 November 1983.

¹³ Ханин Г.И. Пути совершенствования информационного обеспечения сводных плановых расчетов // Известия Академии наук СССР. Серия экономическая. – 1984. – № 3.

¹⁴ Спустя несколько лет я обнаружил, что Аганбегян выдавал эту идею как свою.

лучшее падение национального дохода. Согласно моим расчетам, продолжение существующих тенденций означало падение национального дохода на 20 % к 1990 году. Вдохновленный началом перестройки, я обнародовал этот прогноз в докладе. Вся аудитория умещалась в одной комнате. Один из первых вопросов был: «Я не понимаю, почему мы должны слушать эту антисоветчину?». Я спокойно ответил, что не вижу антисоветчины, а только изложение фактов. К моему удивлению, было немного вопросов. Сам Шаталин задал несколько незначительных и даже странных вопросов, поблагодарил меня, объявил семинар законченным и удалился в свой кабинет. Когда я начал собирать мои таблицы, одна из сотрудниц сказала мне: «Вы не заметили, как он нервничал во время вашего выступления? Он прервал дискуссию, когда заметил, каким опасным является доклад». Когда я пришел в кабинет Шаталина, он заторопился на какую-то встречу. Когда мы прощались в фойе, он сказал: «Единственный человек, который может Вам помочь, это Горбачев».

Для защиты диссертации оставался только возглавляемый А. Анчишкиным Институт народнохозяйственного прогнозирования. Я имел дело прежде всего с его заместителем Ю. Яременко, честным и компетентным экономистом. Институт рассматривал мою диссертацию в течение двух лет, она несколько раз благожелательно обсуждалась. Однако, Ю. Яременко не рискнул поставить ее на защиту даже в 1986 году, уже после начала перестройки, и в конце концов вернул ее мне.

Получив твердые заверения о постановке на защиту диссертации в Институте народнохозяйственного прогнозирования, я уволился с моей работы на полстав-

ки в Институте повышения квалификации Министерства промышленности строительных материалов, в котором работал несколько лет. Когда дело с защитой провалилось, я вернулся в Новосибирск летом 1986 года. Я не смог найти работу по специальности и вынужден был полгода работать в средней школе учителем географии в соседнем городе. Осенью 1986 года я был приглашен на работу в Тувинский комплексный институт Сибирского отделения АН СССР в Кызыле. Я вернулся в Новосибирск в 1989 году и устроился в организацию, которая занималась программированием.

Начиная с 1987 года я имел возможность публиковаться, не испытывая ограничений. Государственные власти все еще не проявляли интереса к моим исследованиям, хотя к этому времени они уже были хорошо известны в СССР и за рубежом. Только в 1989 году по рекомендации В. Волконского я был включен в комиссию по совершенствованию статистики производства и цен. Посетил одно из ее заседаний, но больше не получал материалов этой комиссии.

Партийные и государственные чиновники, как и руководители экономических институтов, оценивали ученых на основе их статуса и уровня лояльности. Оценка по другим критериям была неприемлема.

Советские экономисты и советская власть

В 1970-е и 1980-е годы имелись ограниченные возможности вести научные исследования даже по таким очевидно чувствительным темам, как достоверность статистики, и делиться своими взглядами с научным сообществом. Даже до моей первой публикации я имел возможность говорить публично о своих исследованиях много раз без риска подвергнуться преследованиям. Я думаю, что мой опыт был более типич-

ным, чем с вышеупомянутым украинским экономистом. КГБ Украины был известен своим рвением в искоренении диссидентов. Не стану преуменьшать достоинства моих непосредственных начальников, но я не слышал, чтобы они имели неприятности из-за моих исследований.

Советские официальные лица и ученые давно знали об искажениях в официальной статистике. Существовали многочисленные дискуссии по этим вопросам и после 20-х годов¹⁵. Однако, дискуссии концентрировались на вопросах методологии. Публикация альтернативных оценок была запрещена. Тем не менее такие оценки делались. Я знаю о таких оценках для всей экономики, сделанных С. Никитиным, С. Шаталиным и Б. Михалевским. Оценки для отдельных отраслей были более многочисленны. Научное сообщество было чрезвычайно заинтересовано в этих результатах. Партийные и государственные органы чрезвычайно настороженно относились к альтернативным оценкам, ибо они разрушали миф о преимуществах плановой экономики. Это особенно относилось к периоду после 1960-х годов, когда СССР проигрывал экономическую гонку с капиталистическими странами.

В то время как государственные и партийные органы опасались альтернативных оценок, они в то же время испытывали необходимость в объективной информации. Во второй половине 1970-х годов официальная статистика воспринималась всеми информированными людьми как лживая. Было всеобщее согласие в отношении печального состояния экономики и его неизбежного упадка. Однако чем выше был уровень иерархии, тем враждебнее относились

к обнародованию истинного состояния экономики, ибо это означало осуждение их экономической политики.

Кажется, что КГБ и его высшее руководство были более заинтересованы в выявлении истинного положения в экономике, поскольку оно меньше было включено в определение экономической политики. Кроме того, будучи хорошо осведомлено об ухудшении экономического положения, оно опасалось за будущее всей системы. Но даже КГБ действовал со связанными руками, поскольку слишком большое проявление самостоятельности могло создавать проблемы. Странный случай, произошедший летом 1982 года, показал, что не только экономисты интересуются моими работами. На прогулке ко мне подошел мужчина. Он сказал, что он полковник КГБ и в подтверждение показал свое удостоверение. Мы вели невинный разговор и затем он пригласил меня в воскресенье на прогулку на катере. Поскольку я опасался КГБ и его грязных трюков, я отклонил это приглашение. Никаких дальнейших попыток контакта не последовало. Позже, когда я обдумывал значение этого приглашения, я пришел к выводу, что КГБ интересовался моими исследованиями и хотел получить дополнительную и объективную информацию о действительном состоянии советской экономики. От Татьяны Корягиной, которая тогда работала в научно-исследовательском институте Госплана СССР, я узнал, что примерно в это же время КГБ проявил большой интерес к работе плановиков. Они беседовали со многими работниками института и самого Госплана, пытаясь выявить причины неудач экономики и низкой эффективности плановых органов.

При существовавшей тогда структуре партийных и государственных органов лю-

¹⁵ Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991.

бая идущая вразрез с общей линией инициатива, даже высокопоставленного чиновника, подавлялась независимо от того, как это сказывалось на интересах всей системы. Чиновники усвоили уроки многочисленных «антипартийных группировок». Система себя загоняла в угол. К этому времени у высшего эшелона советских официальных лиц, как правило, не хватало гражданского мужества или приверженности к коммунистической идеологии для совершения самостоятельных действий, даже если они угрожали жизни или свободе. Чувства протеста внутри партийного и государственного аппарата не материализовались в конкретные действия.

Хотя советское руководство знало об искажениях советской статистики и ухудшающемся экономическом положении, истинные размеры надвигающегося кризиса ею недооценивались. Частично это было связано с отсутствием достоверных альтернативных оценок экономического роста. Более того, советское руководство не сумело признать надвигающийся общесистемный кризис как следствие предшествующего развития. Официальный научный мир не смог предоставить ей такой информации, в то время как неофициальный не имел доступа к руководству.

Желательность рыночных реформ была широко распространена. Однако, их

сторонники не чувствовали безопасности и боялись о них высказываться из-за страха быть обвиненными в ереси и быть исключенными из правящего слоя. Они надеялись на смерть Брежнева и предстоящий кризис, желая прорваться к власти и после этого начать реформы.

Литература

Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве / Н.К. Байбаков. – М.: Республика, 1993.

Ханин Г.И. Альтернативная оценка результатов хозяйственной деятельности производственных ячеек промышленности / Г.И. Ханин // Известия Академии наук СССР. Серия экономическая. – 1981. – № 6.

Ханин Г.И. Пути совершенствования информационного обеспечения сводных плановых расчетов / Г.И. Ханин // Известия Академии наук СССР. Серия экономическая. – 1984. – № 3.

Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР / Г.И. Ханин. – Новосибирск, 1991.

Harrison M. Soviet economic growth since 1928: alternative statistics of G.I. Khanin / M. Harrison // Europe – Asia Studies. – 1993. – Vol. 45. – № 1.

The destruction of the Soviet economic system. An insider History Edited by Michael Ellman and Vladimir Kontorovich Armonk. – New York, London, England, 1998.

Nové A. Has Soviet growth Ceased? Paper presented to the Manchester Statistical Society, 15 November 1983.